

Григорий ФУКС
г. Лос-Анджелес, США

ОКНО В ЕВРОПУ

(От Карамзина и Ключевского)

«Самовластво», некоторые особенности

Попробуем взглянуть на российскую старину глазами знаменитых историков Карамзина и Ключевского, чьи взгляды известны далеко не каждому, хотя представляют заметный интерес. Оба относились к прошлому по-разному, но никогда не подгоняли факты в угоду своим взглядам. Карамзин был приверженцем самодержавия, что отметил вольнодумец А.С. Пушкин в известной эпиграмме: «В его истории изящность, простота доказывают нам безо всякого пристрастия необходимость самовластья и прелести кнута».

Ключевский относился к западникам, считая Россию неотъемлемой частью европейской цивилизации. Но при своем консерватизме именно Карамзин утверждал, что с XI до середины XV века мы не продвинулись вперед в гражданском законодательстве, но даже отступили назад к первобытному невежеству народов всей важной части государственного благоустройства... Кроме пороха, в течение сих веков не узнали и не приобрели ничего нового... Он добавляет: «Ничто не удивляло

так иностранцев, как самовластие государства российского и легкость употребляемых им средств для управления землею». Жизнь, достоинство людей, мирских и духовных, вельмож, граждан, совершенно зависит от его воли. Что русские уверены, что великий князь есть исполнитель воли небесной. Усердие сих людей невероятно. Они заявляли: «Мы служим государю как господу». Свойство ли народа требовало для России таких самовластителей или самовластители дали народу такое свойство... Два государя, Иоанн III и Василий, сумели навеки решить судьбу нашего правления и сделать самодержавие необходимою принадлежностью России, единым уставом государственным, единственною основой целостности, силы, благоденствия. Сия неограниченная власть монархов казалась иноземцам тиранией...

Пишут, что робкие женщины падали в обморок от гневного, пламенного взора Иоаннова (третьего), что просители боялись идти ко трону; что вельможи трепетали и на пирах во дворце, не смея шепнуть слова, не тронуться с места, когда государь, утомленный шумною беседой, разгоряченный вином, дремал по целым часам за обедом:

все сидели в глубоком молчании, ожидая нового приказа веселить его и веселиться.

Самодержавная власть князей, а затем монархов варяжского племени длилась, по подсчетам Карамзина, семьсот тридцать шесть лет, плюс триста пять лет царствование династии Романовых.

Ключевский приводит мнение о России второй половины XVII века некоего хорвата Юрия Кржанича, поступившего на службу к царю Алексею Михайловичу. Веря в великое будущее России, Кржанич видит его в крепком и вечном самодержавии. В России, говорит он, полное «самовластво»; царским повелением можно все исправить и завезти все полезное, в иных землях это было бы невозможно. «Ты, царь, – обращается Кржанич к царю Алексею, – держишь в руках чудотворный жезл Моисея, которым можешь творить разные чудеса в управлении: в твоих руках полное самодержавие. Но при этом... ни запреты, ни казни не удержат правителей, «думников» от их людодерских дум, где нет спободин», т.е. свободы. Далее Кржанич замечает: «В России люди без приказу сами ничего не выдумывают; сами себе добра не хотят сделать, если не приволить к этому силой. Историю старины знают плохо, никаких политических разговоров вести не можем». Кроме того, серб отмечает у тогдашних россиян беспробудное пьянство, неопрятность, отсутствие бодрости, благородной гордости, воодушевления, чувства личного и народного единства. При всей славянской любви к России Кржанич не может не отметить: «Великое наше народное лихо – произвол во власти: не умеем ни в чем меры держать, средним путем ходить, а все норовим по окраинам блуждать... Во всем свете нет такого крутого правления, как в славном государстве русском». Он советует россиянам учиться трезвости, справедливости, храбрости и даже стыдливости у тех, кто ими обладает.

II

«Все флаги будут в гости к нам»

Вопрос очень важный и принципиальный: отворачивалось ли Московское государство от иноземного влияния, как средневековая Япония или Китай. Карамзин и Ключевский это напрочь опровергают. Связи с греками-единоверцами существовали еще до княжения Дмитрия Донского. Карамзин пишет: «Осыпая в Москве единоверных греков благодеяниями, Дмитрий привлекал в Россию и других европейцев, в частности генуэзцев в

лице Матфея Фрязина, получивших специальную грамоту на деятельность в области Печерской. Таким образом, Москва уже в XIV веке, задолго до Петра I, не чуждалась иностранцев, и мнение, что до времен Ивана III она не имела никакого отношения с Западом Европы, есть ложное. Азовские и таврические генуэзцы служили посредниками Италии и наших Северян». Связь с Западом прежде всего нужна была Московии для создания современной армии: ее обучения, вооружения и командования. Карамзин отмечает: «Последний год Дмитриева княжения особенно достопамятен началом огнестрельного искусства России. Француз в 1338 году уже знали оное, и король английский Эдуард III в славной битве при Креси (в 1346 году) разил неприятеля пушками... Но в России оно не употреблялось до 1382 года, когда по известной одной летописи вывезли к нам из земли немецкой арматы и стрельбу огненную, с того времени сведанную россиянами... При сыне Донского Василии уже делали в Москве порох». Царствование Ивана IV отмечено установлением торговых и дружественных отношений с Англией. В 1553 году английский капитан Ченслер сумел добраться, минуя Скандинавию, в Двинский залив к месту будущего Архангельска. Был с почестями встречен в Москве царем, получив заверения в беспощинной торговле английскими купцами.

Главными товарами, что привез Ченслер, были тонкое сукно и сахар, не производимые в России. Через два года Ченслер снова появился в Москве и отплыл в Англию с четырьмя «богато нагруженными кораблями и посланником государевым Иосифом Напеем, вологжанином». В Лондоне он был встречен с почестями и принят английской королевой Марией. Карамзин приводит описание английского гостеприимства: «Нигде не оказывалось такой чести русскому имени. В торжественный день Ордена Подвязки Напая сидел в церкви на возвышенном месте рядом с королевой. Королева послала Ивану IV самые лучшие произведения английских суконных фабрик, блестящий доспех, льва и львицу. Английские купцы взяли на себя все издержки, коих требовало пребывание Напая в Англии, и сделали это с величайшим удовольствием, в знак своей добросердечной, ревностной, нежной дружбы к нему и к России. Он получил от них в дар золотую цепь во сто фунтов стерлингов и пять драгоценных сосудов; возвратился в Москву на английском корабле в 1557 году и, главное, привез в Москву ремесленников, рудокопов и медиков, в числе которых был искусный доктор Стеглундт. Так Россия пользовалась всяким случаем

заимствовать от иноземцев нужного для нее гражданского и военного образования».

Карамзин подчеркивает: «Иоанн IV обходился с англичанами как с любезнейшими гостями России, велел им отвести дома во всех торговых городах, в Вологде, в Москве и лично приветствовал их столь милостливо, что они не могли без чувства живой благодарности писать о том к своим лондонским знакомцам... Изъявляя совершенную доверенность к видам лондонского купечества, государь обещал доставить оному все способы для сего дальнего перевоза товаров (из Москвы в Астрахань и далее в Персию).

Одним словом, связь наша с Британией основывалась на взаимных выгодах безо всякого опасного совместничества в политике, имела какой-то особенный характер искренности и дружелюбия, служила доказательством мудрости царя и придавала новый блеск его царствованию». (Это-то при психической неуравновешенности Иоанна.)

Слух о доброжелательности царя распространился по Европе и привлек внимание к России торговых людей других стран. Это с удовлетворением отмечает Карамзин: «Открытием англичан немедленно воспользовались и другие купцы европейские: из Голландии, из Брабанта начали подходить корабли к России и торговать с ней в Корельском устье: это продолжалось от 1555 до 1557 года. Активная торговля с западом позволяла Ивану IV заметно перевооружить армию. Покояря Казань, он мог уже выставить до трехсот тысяч всадников и пеших. Последние, именуемые стрельцами и вооруженные пищальями, представляли огнестрельную современную армию».

Ключевский напоминает, что услугами западноевропейских мастеров пользовался уже Иван III, выписавший из Италии мастеров, которые выстроили ему новый Успенский собор. А это вторая половина XV века. Но активное западное влияние произошло лишь в XVII веке, когда московское правительство новой династии осознало невозможность управлять страной старыми средствами. Ключевский объясняет этот перелом в московской правительственной среде в сознании того, что своими силами не справиться с запросами государства: «Они теряют прежнее национальное самодовольство и начинают оглядываться по сторонам, искать указаний и уроков у чужих людей, на Западе, все более убеждаясь в его превосходстве и своей собственной отсталости».

«Итак, – считает Ключевский, – западное влияние вышло из чувства национального бессилия, а источником этого чувства была все очевиднее в

войнах, в дипломатических сношениях, в торговом обмене, скудность собственных материальных и духовных средств перед западноевропейскими силами, что вело к сознанию своей отсталости». Но при этом не ущемляло национальную гордость правящего класса. Конечно, отмечал Ключевский, возникали споры между западниками и славянофилами. Но возникли активно в послепетровское время. В XVII веке контакты с Европой устанавливались беспрепятственно. Для начала это, как уже упоминалось, коснулось армии. По Ключевскому, сначала пользовались боевой техникой Запада, непосредственно нанимая иноземных ратников и выписывая из-за границы боевые снаряды. Потом сообразили, что выгоднее перенять боевой строй у иноземцев, чем просто нанимать их, и начали отдавать русских ротных людей на выучку иностранным офицерам, образуя свои правильно устроенные и обученные полки. Этот трудный переход русской армии к регулярному строю был около 1630 года перед второй войной с Польшей. На содержание иноземного отряда полковника Фундома уходило в год до полутора миллионов рублей на русские деньги XIX века. Но уже отечественных солдат, обученных иноземному строю, насчитывалось 13 тысяч. Иногда в русской рати не было столько пехоты с огнестрельным вооружением с «огненным боем», обученным солдатскому строю в бою». Все огнестрельное снаряжение ввозилось из Европы. Чтобы организовать его производство на месте в широких размерах, нужно было призвать на помощь иноземные знания и капиталы.

«Тогда, – пишет Ключевский, – и начались усиленные поиски всякой руды и принялись вывозить из-за границы «рудознатцев» – горных инженеров и мастеров. С помощью выписанных мастеров снаряжались разведочные экспедиции для разыскания и разработки серебряной и всякой иной руды в Соликамск и далее на Север, вплоть до Енисейска. Нашлись заводские иноземные капиталисты. В 1632 году голландский купец Андрей Винниус с товарищами получил концессию на устройство оружейных заводов близ Тулы для выделки из железа по удешевленным ценам пушек, ядер, ружейных стволов и «всякого железа». Так возникли знаменитые тульские оружейные заводы, после взятые в казну. Заводчикам, куда бы их ни приглашали, вменялась обязанность русских людей, отданных им на выучку, учить всякому заводскому делу и никакого мастерства от них не скрывать».

За оружейниками по зову власти в Россию потянулись умельцы широкого профиля. Ключевский их с удовольствием перечисляет: «мастера пушеч-

ного, бархатного, канительного, часового дела и водяного взвода», литейщики, живописцы: трудно сказать, каких только мастеров не выписывала Москва, и все с условием: чтобы нашего государства люди то ремесло переняли... Западноевропейский ученый Адам Олеарий получил приглашение в таких выражениях: «Ведомо нам, великому государю, учинилось, что ты гораздо научен и навычен астрологии и географии, и небесному бегу, и землемерию, и иным многим подобным мастерствам и мудростям, а нам такой мастер нужен».

До Петра I при царе Алексее Михайловиче озаботились о флоте. Помышляли нанять в уважаемой Петром Голландии корабельных плотников и людей, которые могли бы управлять морскими кораблями. Купец Виннице, основавший тульские оружейные заводы, до того проникся российскими заботами, предлагал построить гребной флот для Каспийского моря. В 1669 году на Оке, в Коломенском уезде, в селе Дединово, построили для этой цели корабль «Орел», вызвав для того корабельных умельцев из Голландии, и он был спущен на воду в Астрахани, где через год был сожжен Разиным.

В Москве возникла своеобразная мысль брать напрокат для будущего московского флота чужие гавани. Как видим из исследований Ключевского и Карамзина, московские государи не только не сторонились из-за национальной спеси или ущемления своего престижа европейцев, а, наоборот, создавали для них в России наилучшие выгодные условия. Еще в XVI веке при Иване IV из западноевропейских пришельцев образовалась под Москвой на реке Яузе Немецкая слобода.

Бури Смутного времени разметали это иноземное гнездо. С воцарением Михаила, когда усилился приток нужных людей из Европы, они поначалу селились в Москве где попало, что вызывало протест духовенства. Поэтому, пишет Ключевский, в 1652 году все немцы, рассеянные по столице, выселены были за Покровку и на реку Яузу и там, на месте бывших некогда немецких дворов, отведены были им участки по чину и званию каждого. Так возникла новая Немецкая или Иноземная слобода, скоро разросшаяся в значительный и благоустроенный городок с прямыми и широкими улицами и переулками, с красивыми деревянными домиками. Иностранцев там проживало множество. Там были три лютеранские церкви, одна реформаторская и одна немецкая школа. Там жило разноремесленное, разноязычное, разноразное население, пользовалось достатком и жило весело, не стесняемое в своих обычаях и нравах.

Момент этот очень существенный. Но не вызывающий ни у власти, ни у жителей ни зависти, ни малейшего недоброжелательства. Иван Грозный, заклеянный историей под таким титулом, европейского влияния не опасался, не говоря о последующих монархах. Хотя, представьте, были основания стыдиться своей неприглядности. Правда, возникли потом на какое-то короткое время в России проблемы со свободным выездом в Европу, которые коснулись даже Пушкина. Декабристы так напугали Николая I, что он решил «притворить окно в Европу». А в русское средневековье не только окна, но и двери были открыты настежь для иностранцев.

Да и своих отпускали для дела, не чиня препятствий. Дадим слово Ключевскому: «Мастера, капиталисты и офицеры вместе со своей промышленной и военной техникой приносили и свой западноевропейский комфорт, житейские удобства и увеселения, и любопытно следить за московскими верхами, как они бросаются на иноземную роскошь, на привозные приманки, ломая свои старые предубеждения, вкусы и привычки. Внешнеполитические отношения несомненно поддерживали эту склонность к иноземным удобствам и развлечениям». Ключевский продолжает: «Московской знати хотелось казаться иностранцам в лучшем виде, показать, что и здесь можно жить, как живут культурные люди, не хлебающие лаптем щи. Царь Алексей старался устроить свою придворную жизнь наподобие польского королевского двора. На чей престол и было собирался.

* * *

Русским послам, отправлявшимся за границу, правительство наказывало внимательно присматриваться к обстановке и увеселениям заграничных дворов, и можно заметить, какое важное значение придавали эти послы в своих дипломатических донесениях придворным балам и особенно спектаклям.

Неуклюжие сани и наглухо забитые кибитки теперь, подражая иностранным, заменили немецкие кареты, обитые бархатом, с хрустальными стеклами, украшенные живописью. Бояре и купцы начинают строить каменные палаты на месте плохих деревянных хором, заводят дома обстановку на иноземный лад, обивают стены «золотыми панелями» бельгийской работы, украшают комнаты картинами, часами, которые царь Михаил, невольный домосед из-за больных ног, так любил, загромождал ими свою комнату, заводят музыку на пи-

рах: у царя Алексея во дворце все время вечернего стола «в органы играл немчин, в трубы трубили и по литаврам били».

Иноземное искусство призывалось украшать туземную грубость. Московским послам предписывалось подговаривать за границей на государеву службу трубачей самых добрых и ученых, которые умели бы со всяким свидетельством на высокой трубе танцы трубить. При дворе и высших кругах развивается страсть к «комедийным действиям» – театральным зрелищам. Спешили завести своих придворных актеров. В 1603 году уже учились комедийному делу 25 молодых людей, избранных в комедианты из московской Новомещанской слободы. Не успели завести элементарной школы грамотности, а уже поспешили устроить театральное училище. От комедии вскоре перешли к балету... Все эти новости и увеселения были роскошью для московского общества; зато они воспитывали в них новые, более утонченные вкусы и потребности, незнакомые русским людям прежних поколений.

Так чувствительно изменилось отношение русского общества к Западной Европе. Прежде на нее смотрели только как на мастерскую военных и других изделий, которые можно купить, не спрашивая, как они делаются; теперь стал устанавливаться взгляд на нее как на школу, в которой можно научиться не только мастерствам, но и умению жить и мыслить. Но в заветной области чувств, понятий, верований, где господствуют высшие руководящие интересы жизни, решено было не уступать иноземному влиянию ни одной пяди.

* * *

Единичные попытки изменить внешний облик знати уже имели место и в допетровские времена при царе Алексее. Свояк царя и его воспитатель Борис Иванович Морозов одевал своего питомца с состоявшими при нем сверстниками в немецкое платье и приучал их к музыке. Получалось заметное несоответствие старого русского быта и новых порядков Европы. Если немец командует русскими ратными людьми и учит их своей ратной хитрости, стало быть, надо и одеваться, и бороду брить по-немецки, и веру принять немецкую, табак курить, молоко пить по средам и пятницам и свое древнее благочестие покинуть. Совесть русского вольного человека в раздумье встала между родной стариной и Немецкой слободой. Но эти проблемы пришлось разрешать уже сыну царя Алексея, имевшего характер не отцовский. Да и начинал он, как видим, не с нуля, а продолжил начинания отцовские.

Но проблем перед ним оставался непечотый край. Не вдаваясь в излишние подробности, назовем лишь некоторые, приводимые Ключевским из описаний уже упоминавшегося серба Кржанича: «Умственная лень сказывается в некрасивом длинном покрое платья, в наружном виде и в домашнем обиходе, во всем нашем быту: нечесанные головы и бороды делают русского, даже знатного, мерзким, смешным, каким-то лесовиком. Иностранцы осуждают нас за неопрятность: мы деньги прячем в рот, посуду не моем, едим из одной миски и «оба-два пальца в ней окунув». Если русские купцы войдут в лавку, после них целый час нельзя войти в нее от смрада. Жилища наши неудобны: окна низкие, в избах нет отдушины, люди слепнут от дыма. Женщины живут в затворе. Никуда не выходят. Развлекаются только на качелях, что поставлены почти в каждом доме. Зато в церковь ходят с мужьями регулярно, уповая только на Бога и государя. Здесь умы у народа тупы и косны, нет умения ни в торговле, ни в земледелии, ни в домашнем хозяйстве».

Но путь к переменам был выбран единственно верный.

III Наследник

Царь Алексей Михайлович, несправедливо забытый в русской истории, был не только, как его называли за незлобивость, «тишайшим». Но именно он произвел на свет великого реформатора Петра I, но, главное, как считает Ключевский, создал в русском обществе XVII века преобразовательные настроения, призвав к делу и поддержке таких активных, талантливых заказчиков, как Федор Михайлович Ртищев, Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин. Когда уже при царствовании Петра при нем зашел разговор о его отце, кто-то отозвался о нем критически. С чем князь Яков Долгорукий категорически не согласился, сказав, что только умные государи умеют и умных советников выбирать, и верность им наблюдать. Поэтому у мудрого государя не может быть глупых министров, ибо он может о достоинстве каждого рассудить и правильные советы отличить. Царь, выслушав, поцеловал Долгорукого. Сама программа реформ Петра была начертана людьми его отца. Оставалось эту программу детально разработать и, ломая старое, в какой-то мере осуществить. О ней много известно еще со школьного учебника истории, где ни одному русскому государю не уделялось и десятой части

такого внимания. Поэтому не станем повторяться, как Петр срезал бороды и одевал знать сначала в кафтаны венгерские, потом верхнее платье саксонское французское, а исподнее, камзолы, штаны, сапоги, башмаки и шапки – немецкие; женщинам шапки, кунтуши, юбки, башмаки – тоже немецкие. Дворян, явившихся на государев смотр с невыбритой бородой и усами, нещадно били батогами. Их женам, за непосещение мужей, носить длинные кунтуши и шапки с рогами. Купцам за торг русским платьем – «кнут, конфискация и каторга». Конечно, «тишайший» Алексей Михайлович на такое был не способен. А что еще делать, чтоб иностранцы не бросались от русских как от прокаженных.

* * *

Задача перед преобразователем стояла тяжелой. Ключевский объясняет причины сложности: «Древнерусская мысль усиленно работала над вопросами нравственно-религиозного порядка, над дисциплиной совести и воли, над покорением ума в послушании вере, над тем, что считалось спасением души. Она сомневалась, как это можно внести и стоит ли вносить добро в земной мир, который, по Писанию, во зле лежит, следовательно, и обречен во зле лежать, и была убеждена, что житейский порядок также мало зависит от человеческих усилий, так как он в руках Божьих».

Ключевский делает неутешительный вывод для сознания средневекового россиянина: «Они очутились в неловком положении людей, отставших от собственных потребностей. Они не только не имели современных технических и научных навыков, но и были убеждены, что они не нужны и даже греховны, потому что не ведут к душевному спасению».

Преобразовательная энергия Петра складывалась из разных обстоятельств. Сказались черты наследственности от очень энергичной и живой по характеру матери Натальи Нарышкиной, от физической силы отца, несмотря на его мягкий характер. Алексей Михайлович, как человек набожный, мог, молясь, совершить до полутора тысяч земных поклонов.

Хотя Петр бывал в делах жесток и несдержан, но по характеру в отца добр, справедлив и отходчив. Царица Наталья была взята из семьи западника А.С. Матвеева, дом которого был убран по-европейски. Насколько Петр стал помнить себя, он был окружен в своей детской иноземными вещами. Все, во что он играл, напоминало ему немца.

Двухлетнего Петра забавляли музыкальными ящичками, «цимбальцами» и «большими цимбала-

ми» немецкой работы; в его комнате стоял даже какой-то «клавикорд» с медными зелеными струнами. «Все это, – подмечает Ключевский, – напоминает нам придворное общество царя Алексея, столь падкое на иноземные художественные вещи».

С летами детская Петра наполняется предметами военного дела. В ней появляется целый арсенал игрушечного оружия, и в некоторых мелочах этого арсенала отразились тревожные заботы взрослых людей того времени: игрушечная артиллерия, деревянные пищали и пушки с лошадками. Ему выдавали «исторические книги», рукописи с картинками. Так составила у Петра коллекция «потешных тетрадей», в которых были изображены золотом и красками города, здания, корабли, солдаты, оружие, сражения и «истории лицевые с прописями, иллюстрированные повести и сказки с текстами». Ранняя смерть отца и воцарение Федора из семьи Милославских, положение матери и всех Нарышкиных стало затруднительно. Защитника и советчика Матвеева не замедлили убрать подальше в Пустозерск. Петру с матерью пришлось уединиться в подмосковном селе Преображенском, любимой вотчине царя Алексея. Здесь, на природе, вдали от московского быта, Петр и занялся «потешным» делом, создавая подобие будущей армии. Об этом много сказано. Все складывалось удачно для дальнейшей деятельности Петра. Для «потешных» игр приглашались иноземные офицеры, только сержанты оставались русские. Здесь Петр с охотой принялся за изучение математики и военных наук. Он быстро прошел арифметику, геометрию, артиллерию, фортификацию, овладел астролябией, изучил строение крепостей, умел вычислить полет пушечного ядра. Еще «...правительство царя Алексея много хлопотало о заведении флота; для Петра это было наследственным преданием», – подмечает Ключевский.

* * *

Значительное влияние для развития интереса у Петра к Западу послужила Немецкая слобода. Оттуда он приглашал генералов и офицеров для своих «потешных полков». Сам часто туда ездил запросто, обедал и ужинал у старого служки шотландца генерала Гордона. Фаворитом стал француз Лефорт, авантюрист из Женевы, невежественный немного менее нашего Алексаши Меншикова, сына придворного конюха. Там умели веселиться, танцевать под музыку, пировать и пить до потери сознания.

* * *

Не забудем о Ключевском. Все гражданские настроения Петра, по его мнению, сложились «под влиянием борьбы с сестрой Софьей и Милославскими, а также из ненависти и антипатии к духовенству, боярству, стрелкам, раскольникам; солдаты, пушки заняли в его уме место людей, политических учреждений, народных нужд, гражданских отношений». Уточним, на начальном этапе его деятельности. Пока он должен был укрепиться во власти, а без заграницы это было невозможно. Но это был не единственный расчет. Его манило все новое, полезное, интересное. Хотя в быту он остался привязан к русскому.

На содержание двора тратил 60 тысяч вместо 300, как при прежних правителях. Личную службу уменьшил до полутора десятков человек, вместо 300-400. Личной охраны не держал.

* * *

Наконец, в 1697 году на пятнадцать месяцев он вырвался в Европу под именем Петра Михайлова. Он не скрывал своего восторга, не боясь прослыть «безродным космополитом». Всему сам учился, овладев 14 ремеслами, включая проектирование кораблей. Его везде принимали по-дружески первые лица Голландии (сам Вильгельм Оранский), Англии, Франции, щедро одаряя презентами. Английский король подарил собственную новую яхту. Для нее у острова Вайта было устроено примерное морское сражение.

Пригласили Петра на заседание Верхней палаты, где он видел короля на троне и всех вельмож. Любопытно мнение русского самодержца после посещения сената опять же со слов Ключевского: «выслушав прения с помощью переводчика, Петр сказал своим русским спутникам: «Весело слушать, когда подданные открыто говорят своему государю правду; вот чему надо учиться у англичан». Но право возражать своему монарху они добились еще в первой половине XIII века, за двести пятьдесят лет до визита Петра в Англию.

Стоит напомнить, через какие дебри и дикости пришлось пробиваться Петру. Ключевский исследует их в подробностях, подчеркивая этим роль преобразователя. Во-первых, это церковные обряды, завещанные местной стариной, получившие значение неприкосновенной и неизменной святыни. Во-вторых, в русском обществе установилось подозрительное и надменное отношение к учас-

тию разума и научного знания в вопросах веры. «Люби простоту больше мудрости, не изыскуй того, что выше тебя, не попытуй того, что глубже тебя, и какое дано тебе от Бога учение, то и держи». В школьных прописях помещались наставления: «Братия, не высокоумствуйте! Если спросят тебя, знаешь ли ты философию, отвечай: елинских борзостей не текох, риторских астроновов не читах, с мудрыми философами не бывах; учуся книгам благодатного закона, как бы можно было мою грешную душу очистить от грехов».

Такой взгляд питал самоуверенность незнания: «А еще не учен словом, но не разумом, – писал древнерусский книжник, – не учен диалектике, риторике и философии, но разум Христов в себе имею...»

Органический порок древнерусского церковного общества состоял в том, что оно считало себя единственным истинно правоверным в мире, свое понимание божества исключительно правильным. Творца вселенной представляло своим собственным русским Богом, никому более не принадлежавшим и неведомым.

* * *

Пушкин отдал Петру должное, написав известные строки в поэме «Полтава»: «Из шатра, толпой любимцев окруженный, выходит Петр. Его глаза сияют. Лик его ужасен. Движения быстры. Он прекрасен, он весь как божия гроза... И он промчался пред полками, могущ и радостен, как бой. Он поле пожирал очами...» В этих строках весь Петр. Государственные проблемы его, конечно, одолевали. Но главным в его характере был азарт, интерес к жизни во всех ее проявлениях. На это же указывает Ключевский: «Торопливая и подвижная, лихорадочная деятельность, сама собой в силу его характера начавшаяся в ранней молодости, теперь продолжалась и не прерывалась почти до конца жизни, до 50-летнего возраста».

Петр выбрал себе роль, соответствующую его темпераменту, привычным занятиям и вкусу, усвоенным с детства, впечатлениям и познаниям, вынесенным из-за границы. Эти впечатления подзарядили его энергией, стремлением овладеть ими и внедрить в России. Это не была роль ни государя-повелителя, ни боевого генерала-главнокомандующего. Петр не сидел во дворце подобно прежним царям, включая отца, рассылая всюду указы, направляя деятельность подчиненных. Он редко становился во главе своих полков, чтобы водить их в огонь, как его противник Карл XII. Позволял себе это только два-

ды: под Полтавой и в морском сражении при Гангуте. Да и шагал он так же, как жил: широко, размашисто, когда спутники, семена, едва за ним попевали.

IV Преобразователь

Петр распахнул не окно в Европу, как писал Пушкин, а открыл настежь дверь. Сказано тем же поэтом: «Корабли толпой со всех концов земли к богатым пристаням стремятся».

После первой поездки в Европу Петр нанял только в Голландии до 300 всевозможных мастеров от вице-адмирала до корабельного повара, истратив на все это не менее 2,5 миллиона рублей на деньгах XIX века.

Но Ключевский обращает внимание, что шутовские увлечения Петра не составляли его главного интереса. Он несомненно был одарен здоровым чувством изящного, чего много увидел в Европе, тратил много хлопот и денег, чтобы доставить хорошие картины и статуи из Германии и Италии: он положил основание художественной коллекции, которая теперь помещена в Эрмитаже.

«Он имел вкус особенно к архитектуре; об этом говорят замечательные дворцы, которые он построил вокруг своей новой столицы и для которых выписывал за дорогую цену с Запада первоклассных мастеров вроде, например, знаменитого в свое время Леблена, «прямой диковины», как называл его сам Петр, сманивший его у французского двора за огромное жалованье», — пишет Ключевский.

Построенный этим архитектором петергофский дворец Монплеизир восхищал тогда и восхищает теперь всех, кто его посещает.

Петр не был любителем классического и древнерусского стиля: он искал в искусстве лишь средства для поддержания легкого, бодрого расположения духа. Приветствуя лишь кое-что в черновой работе, Петр, однако, сохранил умение быть равнодушным к иному ландшафту, особенно с участием моря, и бросал большие деньги на загородный дворец с искусственными террасами, каскадами, хитрыми фонтанами, цветниками и т.п. (Один Петергоф чего стоит.)

Ему легко давались пластические искусства, нравились сложные планы построек. Как видим, такое увлечение Европой он не считал «преклонением перед иностранщиной». Весь центр Петербурга выстроен по проектам европейских зодчих, ворота которым распахнул Петр. Лишь

Адмиралтейство и Казанский собор созданы Захаровым и Ворониным, которые тоже учились у французов и итальянцев.

* * *

Петр разделял мнение мудрого политика и своего надежного советника Лейбница, что в России тем лучше можно насаждать науки, чем меньше она к этому подготовлена. Не имея собственных офицерских кадров, Петр с помощью иностранцев к концу своего царствования довел численность регулярной армии до 212 тысяч, плюс 110 тысяч казаков, не считая инородцев, плюс боеспособный флот из 48 линейных кораблей и 800 галер с 28 тысячами экипажа. Всем этим войском командовали 30 генералов, из которых 14 иностранцы. Повторим, что расходы на такую армаду составляли, как и сейчас, две трети всего тогдашнего бюджета доходов, а иногда поднимались до 75,5%. Но, по Ключевскому, полезно добавить, что девять десятых всего трудового люда находилось в крепостной зависимости от церкви, дворца и военно-служивых людей и расходы бюджета на него не распространялись.

Без Ключевского в который раз не обойтись:

«Реформатор познакомился с Западной Европой, когда там в государственном и народном хозяйстве господствовала меркантильная система, основная мысль которой, как известно, состояла в том, что каждый народ, для того чтобы не беднеть, должен сам производить все, им потребляемое, не нуждаясь в помощи чужестранного труда, а чтобы богатеть, должен вывозить как можно больше и ввозить как можно меньше. Усвоив себе такой же взгляд по наблюдениям или самобытно, Петр старался завести дома всевозможные производства, не обращая внимания на то, во что обойдется их заведение».

Проблем хватало. Татарское иго и княжеские междоусобицы задержали развитие России на века. Учиться приходилось всему: личной гигиене, поведению во время еды...

Сам Петр поначалу едал без ножа и вилки. Избавлялись от дикости, начиная с печного мастерства, убранства комнат и даже «оборки кроватей».

«Петру приходилось выписывать из-за границы мастеров, которые бы научили его подданных лесовиков делать метлы и коробки, и что русское духовенство в своих 700-летних заботах о спасении русских душ не завело школы дешевой, доступной для деревенского народа и пристойной иконописи» (Ключевский).

Петр, оставаясь верующим, молебнов перед Полтавской битвой не устраивал и войско крестным знаменем не осенял. Интересы России для него были выше древнерусских традиций. Думая о реорганизации управления, он, несмотря на войну со Швецией, перенял именно у нее систему коллегии, которая тогда считалась образцовой в Европе. Дома он ничего соответствующего не находил. Опять же не обошлось без иностранцев. Петр отправил нанятого им голландского чиновника Фика в Швецию для подробного изучения тамошних коллегий и пригласил к себе на службу силезского барона фон Любераса, знатока шведских учреждений, который нанял в Германии, Чехии и Силезии сотни полторы охотников для службы в русских коллегиях. Оба приняли активное участие в образовании этих коллегий. Было первоначально установлено девять коллегий с размещением на Васильевском острове. К русскому президенту коллегии обязательно назначался вице-президент из иностранцев. Только во главе Горномануфактурной коллегии встречаем двух иностранцев. Уже упомянутого Любераса и ученого артиллериста Брюса.

* * *

Преобразователь сделал Россию частью Европы, которой она оставалась в культуре и экономике до падения царизма. Не будь дерзкой деятельности Петра, по мнению историка-публициста князя Щербатова, приводимого Ключевским, Россия бы вышла на свой петровский уровень лет через сто, не раньше 1892 года. Ту же мысль высказывал канцлер граф Головкин в дни празднования заключения Ништадтского мира со Швецией: «Вашими неусыпными трудами и руководством мы из тьмы незнания на фонарь славы всего света, из небытия в бытие произведены и в общество политическое народов присовокуплены».

Он приобщал к западной цивилизации, не упуская ничего достойного. В основном малограмотное российское дворянство разной степени знатности училось в тамошних академиях живописному искусству, экипажеству, механике, навигации, инженерству, артиллерии, как корабли строятся, боцманству, танцевать, на шпагах биться, на лошадях ездить и всяким другим ремеслам. Петр сначала сам овладевал всем. Конечно, не всем это было по душе.

Переписывать из истории Ключевского весь перечень образовательных дел Петра, как говорится, бумаги не хватит. Но вывод историка лю-

бопытно привести: «Одним из самых сильных впечатлений, вынесенных Петром из первой заграничной поездки, если не сильнейшим, кажется, было чувство удивления: как там много учатся и скоро работают, а работают скоро именно потому, что много учатся! Под этим впечатлением у него, очевидно, складывался план завести в России нечто похожее на университет или политехникум. Так уже в 1698 году подговорил в Англии на русскую службу профессора Эдинбургского университета Фарверсена, который стал преподавателем в открытой в 1701 году на Сухаревой башне в Москве навигационной школы для детей дворян и других чинов людей. Фарверсена перевели потом в Морскую академию, открытую в Петербурге в 1715 году. В московской навигационной школе рядом с князьями сидели дети дворовых людей. Некоторые принудительно. Но успеха добивались нелегко и небезгрешно. Заграничные ученики приводили своим поведением в отчаяние приставленных к ним надзирателей. Учившиеся в Англии как-то нашалили так, что боялись воротиться в отечество. Пришлось в 1723 году Петру издать одобрительный указ, приглашавший шалунов безбоязненно вернуться домой, обещавший даже вернувшимся награды «жалованьем и домами». В 1717 году в Петербурге вышла с разрешения Петра переводная книжка «Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению». С нею стоит, кто не читал, ознакомиться подробнее. И до наших дней есть кой-чему подучиться. Ключевский ее высоко представляет: «Ничтожная книжонка недаром стала воспитательницей общественного чувства русского дворянина».

* * *

Каким бы суматошным после кончины Петра ни оказалось состояние российской власти, когда ею управлял немец Бирон с соплеменниками, петровское наследие порушить не удалось.

Ключевский однозначен в своих рассуждениях. «Представители высшего класса ехали за границу с воспитанной всем складом русского быта мыслью, что без уставно-церковной подтяжки (читай государственно-церковного уклада) и политического страха невозможна никакая благоприспособленность, никакой общественный порядок. И вот петровский делец, деловой человек Толстой отмечает в своем дневнике, что «венетиане» живут весело и ни в чем друг друга не задирают, ни от кого ни в чем никакого страха никто не имеет, всякий

делает по своей воле кто что хочет, но живут в полном покое, без обиды и тягостных податей.

Вещи еще более удивительные заметил во Франции другой петровский делец Матвеев, сын воспитателя матери Петра: «Никто из вельмож ни малейшей причины, ни способа не имеет даже последнему в том королевстве учить какого-то озлобления или нанести обиду... Король, кроме общих податей, хотя самодержавный государь, никаких насилований не может, особливо ни с кого взять ничего, разве по самой вине, по истине расужденной от парламента...»

Князь Д.Н. Голицын, выезжавший в тридцатилетнем возрасте для учебы на Запад, привез оттуда живейший интерес к европейской политической литературе, сохраняя любовь к отечественной старине. В подмосковном селе Архангельском он собрал богатую библиотеку из 6000 книг на разных языках и в русском переводе по истории, политике и философии. На русский переводились труды передовых мыслителей Гуго Гроция, Гоббса, Локка, известные в советское время лишь узкому кругу специалистов.

Ключевский приводит высказывание французского посла того времени Маньяна: «На улицах и в домах только и слышны речи об английской конституции и о правах английского парламента».

Но, напомним, при этом 73% податного населения России были неграмотные крестьяне.

V

Преимственность

Культурные преобразования так и не коснулись даже раскрепощенных крестьян до свержения самодержавной власти. А вот среди правящего класса происходили изменения. Ключевский объясняет: «Вступление на престол императрицы Елизаветы стало концом иноземного немецкого владычества при русском дворе, но это иноземное немецкое владычество сменилось другим, но только французским влиянием. Первые шаги в этом направлении предпринял уже Петр. В бытность во Франции он был приглашен во Французскую академию и так увлекся этим учреждением, что решил завести такое же в Петербурге. Он сразу хотел поставить русскую Академию на твердую ученую ногу и накликал множество иностранных ученых, определив на содержание академии 25 тысяч рублей, что равняется почти 200 тысячам XIX века. Академия украсилась некоторыми блестящими именами тогдашней европейской науки, каковы были двое Бернулли (меха-

ник и математик), физик Бильфинтер, «греческие другие древности» – Байер, де Линьи и другие».

Изучали математику, физику, философию, историю и право. При Елизавете, когда открылся Московский университет, к ним добавились архитектура, живопись, музыка, театр, рисование, гравирование, танцы, фехтование. Всего успешней преподавался французский язык (14 часов в неделю). Категорически запрещалось говорить по-русски; за каждое слово, сказанное так воспитанником, наказывали ферулой подошвенной. Во многих дворянских домах появились сначала малообразованные гувернеры, которых потом заменили более грамотные. Французским владела, разумеется, в разной степени, даже провинциальные помещики. Читали в основном французских авторов, так как своих почти не было. Прежде всего, двор поощрял изучение французской просветительной литературы. Еще при Елизавете завязались некоторые сношения с королями французской словесности. Вольтер еще при ней был избран почетным членом русской Академии наук и получил предложение написать историю Петра I. Сотруднику Дидро Деламьеру Екатерина II предложила взять на себя воспитание наследника престола Павла.

К воспитанию будущих государей относились с большой ответственностью. Для них университетского образования было явно недостаточно. Даже при тогдашнем изобилии изучаемых предметов. Управление такой державой, как Россия, требовало специальной углубленной подготовки на уровне европейской цивилизации.

Вернемся к Ключевскому, его «преданиям старины глубокой». «Не заполучив Деламера для воспитания сына, Екатерина решила хотя бы внука воспитать в духе времени. С этой целью она пригласила для воспитания великого князя Александра, будущего императора, швейцарца Лагарпа, который открыто высказывал свои республиканские убеждения. Знатные дома подражали двору; граф Строганов, видный деятель в начале царствования Александра I, воспитан был французом Роммом, истинным республиканцем, который потом стал видным членом партии Горы в Конвенте в годы революции. Дети князя Салтыкова воспитывались под руководством брата Марата, видного деятеля Французской революции. Французские литературные произведения в подлинниках и переводах стали свободно распространяться в русском обществе с царствования Екатерины. Она торжественно признала не только безвредными, но и полезными произведения французской литературы, взявши на себе труд пропагандировать их

в своем «Наказе». Произведения французов стали бойко распространяться в самых отдаленных уголках России. Даже в Зауралье, в Оренбурге появились произведения Руссо, Монтескье и Вольтера. А ведь все они были ниспровергателями королевской власти, истинными республиканцами... При Петре дворянин ездил учиться за границу артиллерии, навигации, теперь, при Екатерине, он поехал туда на поклон к философам. Императрица в одном из писем Вольтеру говорила: «Многие наши офицеры, которые были приняты Вами, воротились без ума от Вас и от Вашего приема. Наши молодые люди жаждут Вас видеть и разговоры слышать...» Французские путешественники, приезжавшие в Петербург в конце царствования Екатерины, свидетельствовали, что «здешняя образованная молодежь самая просвещенная и философская в Европе» и что она знает более, чем оканчивающие курс в немецких университетах». Добавим от себя: как видим, еще со времени Дмитрия Донского Россия постепенно, но последовательно сближалась с просвещенной Европой. Это было спасением от религиозного, старообрядческого прошлого. Петр это движение значительно ускорил, а Елизавета и Екатерина Великая окончательно утвердили. Россия прочно вошла в европейскую семью. Бывали разные ситуации в отношениях с отдельными странами, как это случается в историческом процессе. Приобщение к Европе в короткое время сказалось на развитии современной российской культуры. Уже при внуке Екатерины II Александре I расцветет талант Пуш-

кина, Лермонтова, которые оба не скрывали влияния на свое творчество поэзии Байрона. Грибоедов создал образ западника Чацкого, Гоголь развенчал крепостнический российский уклад. Зазвучала музыка Чайковского, преклонившаяся перед гением Моцарта. Покорял Европу своей кистью Брюллов. Русское искусство и литература не уступали европейским и покорили западный мир. Россия никогда не обособливалась от европейского сообщества, став его неотъемлемой частью.

Однако закончим Ключевским. «Самовластие, – утверждает Ключевский, – само по себе противно как политический принцип. Его никогда не признает гражданская совесть... Но правовое народное государство еще впереди и не близко...»

Знаменитый историк, доживший до 1911 года, этого не дождался. Проживи он еще не одну жизнь, его прогноз так прогнозом бы и остался.

□

Григорий ФУКС

*член Союза писателей Санкт-Петербурга.
Родился в Одессе, школу окончил в Ленинграде,
педагогический институт в Петрозаводске.
Преподавал историю и литературу в школе.
Педагог, воспитатель, тренер
и международный арбитр по настольному теннису.
Работал журналистом в Астрахани и Карелии.
Автор сценариев для Центрального телевидения,
восьми книг и нескольких пьес.
С 1995 г. живёт в Лос-Анджелесе.*

